

— Хе-хе, скажи, не странно ли это... — Ци Шань внезапно изменился в лице, его взгляд стал острым и пронзительным, будто он хотел разорвать наместника округа на куски, голос дрожал:

— Именно после этого самого события самое слабое из трех племен Шиу неизвестно откуда получило счастье, используя таинственную и мощную боевую формацию, основанную на хитрости и непредсказуемости, они последовательно поглотили два других племени и объединили все Шиу!

Он присел на корточки и схватил наместника округа за горло.

— Ты смеешь говорить, что это случайность!

За восемь лет Ци Шань изучил эту боевую формацию по фрагментам рисунков, найденных в тайном месте, и по информации от разведчиков Шиу.

Эта формация действительно была гениальной и изысканной, в ней идеально сочетались «хитрость и прямота» военного искусства. Как говорится в военном искусстве:

— В любом бою нужно использовать прямоту, чтобы победить хитростью, «Умеющий применять хитрость бесконечен, как небо и земля, неисчерпаем, как реки и моря».

Наместник округа не смел смотреть Ци Шаню в глаза.

Он упрямылся:

— Я происхожу из Шиу, я помогаю своим соплеменникам, в чем моя вина? Я тоже хотел быть верным Синь, но император Синь был глуп, а другие презирали мое происхождение, они всегда относились ко мне как к чужаку, никогда не принимали меня по-настоящему, почему я должен служить Синь?

— Но когда ты болел и был заперт в пограничном городе, у тебя не было денег, ты жил в разваливающемся доме, он рисковал своей жизнью, чтобы найти тебе лекарство и договорился с врачом, приехавшим поздно ночью. Вот так ты относишься к тому, кто спас тебя?

Пальцы слегка сжались.

Этот наместник округа с самого начала использовал какого-то несчастного человека в качестве пешки, чтобы отвести от себя «дверь смерти», он не брезговал ничем, чтобы добиться своей цели.

Почему он просто не умер от болезни?

По мере того, как сила в руке увеличивалась, наместнику округа стало все труднее дышать, из носа и рта пошли хрипы. Он пытался вырваться, но его руки были скованы черно-белой Вэньци, он не мог шевельнуться. По мере того, как воздуха в его грудной клетке становилось все меньше, на его лице, которое казалось добропорядочным, появился синий и красный цвет, страшные вены выпирали на висках, мышцы лица дергались и искажались от неконтролируемой боли.

В муках он испытал необычное удовольствие: как бы то ни было, он прожил еще восемь лет, не просто так!

Видя, что наместник округа закатил глаза, высунул язык и вот-вот умер, Ци Шань холодно усмехнулся и отпустил его горло.

Наместник округа:

— Ха-ха-ха...

Снова получив свободу, он жадно вдыхал свежий воздух, раньше он не замечал, насколько он прекрасен.

Но как только он вернулся с той стороны, его горло снова схватили, он был вынужден поднять голову и смотреть Ци Шаню в глаза. Тело наместника округа невольно вспомнило сцену своей близкой смерти.

Он сжал зубы, которые дрожали от страха.

— Тан Лечжэн, почему ты не убьешь меня быстро?

Он хочет сначала помучить его, а потом убить?

— А почему я должен убить тебя быстро?

Ци Шань ответил с уверенностью.

Наместник округа: «...»

Представляя ненависть Ци Шаня и его жестокость, он мог представить, что его судьба будет хуже смерти.

— Хорошее выражение лица. — Ци Шань заметил. Он не пропускал ни одной нотки страха на лице наместника округа, в его глазах светилось удовольствие охотника, наблюдающего за отчаянной борьбой своей жертвы.

Сказав это, он снова медленно сжал руку.

Он хотел, чтобы наместник округа чувствовал каждое усиление силы, четко видел приближение смерти. Снова задохнуться, снова оказаться на грани смерти, а потом снова вернуться к жизни, наместник округа лежал на земле и кашлял, его глаза были красными от крови.

Он с болью в горле крикнул:

— Ци Юаньян никогда бы не сделал бы такого злого и бессердечного...

Ци Шань спросил:

— И что дальше?

Наместник округа замолчал.

Что дальше?

Сказать, что раз Ци Шань уже взял имя «Ци Шань», то и его поступки должны быть соответствующими?

Иначе он подорвет репутацию «Ци Шань»?

Даже думать об этом смешно:

Даже если он и ходит по свету под маской друга, он все равно Тан Лечжэн, а не настоящий «Ци Шань».

За все эти годы он ни разу не сделал ничего доброго, зато наделал много плохих дел. Иначе бы у него не было столько врагов по всему Северо-Западу, и он не был бы известен своей дурной славой.

— За зло всегда наступает расплата. — Ци Шань приблизился к уху наместника округа и сделал вид, что говорит нежно, но от его голоса мурашки бежали по коже: — Особенно для таких предателей, как ты, если бы у меня действительно было «доброе сердце», я бы разрезал тебя на куски и отдал на корм собакам! Собака еще умеет вилять хвостом, когда ей дают

вкусняшку, а ты? Ты даже хуже собаки!

— Ци Шань — за всю свою жизнь совершил только одну ошибку: он спас этого мерзавца!

— Если бы Юаньян знал, что он спас предателя, который еще и замышляет злые дела, и который вместе с Шиу хочет захватить его любимую родину, он бы даже не посмотрел на тебя?

Ци Шань не только ненавидел наместника округа, но и ненавидел себя. Если бы он тогда не поехал на похороны, не оставил «Ци Шаня» одного, «Ци Шань» может быть и не прошел бы через этот город, и не встретил бы этого коварного Яньчэна. А может быть...

Может быть, тогда умер бы он сам.

Наместник округа от ругани дрожал, кожа на лице невольно дергалась, он пытался подняться и задавить Ци Шаню вопросы.

— Да, я «заранее задумал все»! Я зверь, я неблагодарный, я предатель, я коварный! Но у меня был выбор? Я дал ему шанс на жизнь, он дал шанс на жизнь тебе, и это моя вина? Там были только вы двое, кто знает, что произошло?

Правда не зависит от того, что он говорит?

— Ты говоришь, что он дал тебе шанс на жизнь и ты сбежал, думаешь, кто-то тебе поверит? Что ты можешь сравнить с Ци Юаньяном? Твоя жалкая жизнь ни в какое сравнение не идет с его жизнью!

Наместник округа на мгновение забыл о смертельной угрозе.

Каждое слово пронзало сердце, он загнал его в тупик.

— Ты говоришь, что в мире больше нет Тан Лечжэна? Ха-ха-ха, как красиво ты говоришь, разве не ты убил своего друга и занял его место? Иначе как сын сапожника, низкого происхождения, низкая тварь, ты хочешь добиться славы, хочешь подняться выше? Фу! Позорная тварь, ты достоин этого?

Ци Шань еще не применил силу, а голову наместника округа уже придавила ногой Шэнь Тан, ее лицо побледнело от злости, она хотела разбить ему череп.

Наместник округа выплюнул кровь.

Его голос, словно рваный мешок, из которого выдувают ветер, хрипел и был неразборчив. Он

все еще говорил:

— Если говорить о подлости, чем мы отличаемся?

Шэнь Тан посмотрела на побледневшего Ци Шаня.

— Убей его...

Руки Ци Шаня, опущенные в рукавах, дрожали, как лихорадка, он закрыл глаза и холодно усмехнулся:

— Шэнь Юйли, ты не находишь, что он прав? Я действительно способен на такое...

Шэнь Тан ответила:

— А что до меня?

Ци Шань нахмурился:

— Следи за языком!

— Хорошо, я буду следить за языком. — Шэнь Тан усилила давление ногой, наместник округа почувствовал, как у него раскалывается череп: — Юаньлян, ты знаешь пословицу «если нет доказательств вины, то человек свободен»?

Если нет четких доказательств преступления, не следует привлекать к уголовной ответственности, и нельзя возбуждать уголовное дело. Все обвинения против Ци Шаня — это выдумки и сомнения этого старика, и считать Ци Шаня виновным только потому, что есть сомнения, — это бред.

Ци Шань: «...»

Он посмотрел на наместника округа, который был на грани смерти, и закрыл глаза.

— Убей его, он бесит меня.

Он хотел поиздеваться над ним, но в итоге его поиздевались над ним.

Шэнь Тан протянула:

— Хорошо. Она наступила ногой.

Череп под ее ногой раскололся, из носа и рта пошла кровь, глаза вылезли из орбит, как рыбы пузыри, и в конце концов превратились в кучу гнилой мякоти.

<http://tl.rulate.ru/book/109723/4957516>